

Сергей Юрьевич Темчин

СХАРИЯ И СКОРИНА:
ОБ ИСТОЧНИКАХ ВИЛЕНСКОГО
ВЕТХОЗАВЕТНОГО СВОДА (F 19–262)

На восточнославянской территории в разное время создавались церковно-славянские переводы, выполненные непосредственно с древнееврейских оригиналов¹. В Великом княжестве Литовском (ВКЛ), кроме того, известны тексты, переведенные с древнееврейского языка на *руску (просту) мову*. Именно такие переводы содержатся в так называемом Виленском ветхозаветном своде.

Он сохранился в составе рукописного сборника F 19–262 вильнюсской Библиотеки Академии наук Литвы, содержащего ветхозаветные книги, Палею и иные прибавления, форматом в лист, первой трети XVI века (но после 1517 г.)². Этот кодекс,

¹ Алексей Иванович Соболевский, *Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков*: Библиографические материалы, (Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, т. 74, № 1), Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1903, с. 396–428; Владимир Николаевич Перетц, „К вопросу о еврейско-русском литературном общении“, in: *Slavia*, vol. 5/2, 1926, p. 267–276; Анатолий Алексеевич Алексеев, „Переводы с древнееврейских оригиналов в Древней Руси“, in: *Russian Linguistics*, vol. 11, 1987, p. 1–20; Idem, „Русско-еврейские литературные связи до 15 века“, in: *Jews and Slavs*, vol. 1, Jerusalem–St. Petersburg, 1993, p. 44–75; Владимир Николаевич Топоров, *Святость и святые в русской духовной культуре*, т. 1: *Первый век христианства на Руси*, Москва: Гнозис, 1995, с. 340–357; Анатолий Алексеевич Алексеев, *Песнь Песней в древней славяно-русской письменности*, Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2002, с. 137–154.

² См. описание рукописи: Флавиан Николаевич Добрянский, *Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковно-славянских и русских*, Вильна: Типография А.Г. Сыркина, 1882, с. 441–447; см. также: Francis J. Thomson, „The Earliest Vernacular Slav Translation of Old Testament Books from Hebrew Together with a Few Comments on Allegedly Judaizer Translations“, in: *Slavica Gandensia*, vol. 21, 1994, p. 145–155.

доставленный из Супрасльского монастыря, состоит из двух самостоятельных некогда частей (они написаны разными писцами и имеют раздельную кириллическую нумерацию тетрадей), лишь впоследствии объединенных под одним переплетом. Обе части написаны в том же самом скриптории на одинаковой бумаге, разлинованной идентичным способом: в два столбца по 35 строк на странице.

Первая часть (л. 1–135; далее следуют четыре чистых листа) выполнена одним писцом и представляет собой Виленский ветхозаветный свод³, содержащий: Предисловие к Псалтыри из пражского издания Франциска Скорины 1517 года (оно отлично от аналогичного предисловия того же автора, которое помещено перед Псалтырью в виленском издании Малой подорожной книжки ок. 1522 г.), статьи о толковании, составлении и пении Псалтыри, а также девять библейских книг: книгу Иова, Руфь, Псалтырь (таким образом, сама Псалтырь помещается не сразу вслед за статьями о Псалтыри), Песнь песней, Экклезиаст, Притчи Соломоновы, Плач пророка Иеремии, книгу пророка Даниила, Эсфирь, после которой повторен заключительный фрагмент Притчей Соломоновых (Притч 31.9–31), но в ином переводе. Все ветхозаветные книги, за исключением Псалтыри и заключительного фрагмента Притчей, переведены непосредственно с древнееврейского языка. В конце первой части (л. 134 об.–135) помещена копия чернового варианта обращения православных князей Великого княжества Литовского к константинопольскому патриарху об избрании и

³ Об истории его изучения и издания см.: Francis J. Thomson, „The Slavonic Translation of the Old Testament“, in: Jože Krašovec (ed.), *Interpretation of the Bible*, Ljubljana–Sheffield: Slovenska akademija znanosti in umetnosti–Sheffield Academic Press, 1998, p. 874–881; Анатолий Алексеевич Алексеев, *Текстология славянской Библии*, (*Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte*, Neue Folge, Reihe A: *Slavistische Forschungen*, Bd. 24), Санкт-Петербург–Köln etc.: Дмитрий Буланин–Böhlau Verlag, 1999, с. 184–185; Георгій Якаўлевіч Галенчанка, *Францыск Скарына: Спадчына і пераемнікі: Анатаваны бібліяграфічны паказальнік*, Мінск: Красіка-Прэнт, 2002, с. 7–11.

поставлении Ионы Глезны в качестве преемника киевскому митрополиту Симеону, писанного около 1492 года⁴.

Во второй части (л. 140–408), выполненной несколькими книжниками, выписана противоиудейская по содержанию Толковая Палея (христианская интерпретация Ветхого Завета) с дополнительными статьями, многие из которых заимствованы из болгарского по происхождению Изборника Симеона–Святослава, что было отмечено еще Ф. Н. Добрянским⁵, но осталось незамеченным современными исследователями⁶.

Данная работа посвящена двум недостаточно выясненным вопросам: а) датировке рукописи, включающей в себя Виленский ветхозаветный свод, и времени ее поступления в Супрасльский монастырь; б) идентификации автора содержащихся в ней библейских переводов с древнееврейского языка на русскую мову.

В печатном описании Ф. Н. Добрянского сборник датирован XVII веком, но в дальнейшем этот вывод неоднократно корректировался⁷. А. А. Архипов, посвятивший данной рукописи и содержащийся в ней книге пророка Даниила обстоятельное исследование⁸, постарался максимально уточнить время ее создания.

⁴ Этот список обращения опубликован дважды, см.: *Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа*, т. 1, Вильна, 1867, с. 2–3 (№ 2); Владимир Николаевич Перетц, „Челобитная о благословении на Киевскую и всея Руси митрополию архиеп. полоцкого Ионы Глезны“, in: *Киевские университетские известия*, г. 44, кн. 10, Киев, 1904, с. 1–6 (второй пагинации; более исправное филологическое издание).

⁵ Флавиан Николаевич Добрянский, *op. cit.*, с. 447.

⁶ Виленская рукопись не упомянута в работе, специально посвященной рукописным сборникам, имеющим общие статьи с Изборником Симеона–Святослава, см.: Иван Васильевич Левочкин, „Изборник Святослава и русские сборники XV–XVII вв.“, in: *Труды Отдела древнерусской литературы*, т. 40, Ленинград, 1985, с. 373–378.

⁷ См. обзоры: Андрей А. Архипов, *По ту сторону Самбатина: Этюды о русско-еврейских культурных, языковых и литературных контактах в X–XVI веках*, (*Monuments of Early Russian Literature*, vol. 9), Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1995, с. 148–149; Георгій Якаўлевіч Галенчанка, *op. cit.*, с. 10.

⁸ Андрей А. Архипов, *op. cit.*, с. 147–240; ср. также с. 248–250.

Кроме факта использования скорининского издания 1517 года, определяющего нижнюю границу написания кодекса, исследователю была известна датировка лишь одного из двух водяных знаков, представленных на бумаге данного кодекса (литера М под крестом, идент. Лихачев, № 1410–1411 – 1514 г.)⁹. Н. П. Лихачев датировал этот знак по записи на Евангелии учителем Каллиста, написанном в 1514 году в Киеве по заказу местного мещанина Селивестра Поповича¹⁰. Второй знак (солнце с вертикальной линией, заканчивающейся звездой) ему отождествить не удалось. Поскольку для надежной датировки рукописи отождествления одного водяного знака недостаточно, А. А. Архипов постарался найти косвенные основания для уточнения датировки. Он предположил, что данный сборник упомянут в древнейшей описи книг Супрасльского монастыря, составленной в 1557 году ее архимандритом Сергием Кимбаром¹¹, среди книг, приобретенных еще при его предшественниках в 1500–1532 годах, и входил в число четырех сборников этого древнейшего супрасльского собрания („Книг великих в десять сборников 4“), что позволило ему датировать рукопись 1517–1532 годами (и более узко, но без

⁹ Этот водяной знак был известен еще В. Н. Перетцу, который на его основании датировал бумагу Виленского ветхозаветного свода до 1514 г., см.: Владимир Николаевич Перетц, „Челобитная о благословении на Киевскую и всея Руси митрополию...“, с. 2.

¹⁰ Николай Петрович Лихачев, *Палеографическое значение бумажных водяных знаков*, (Общество любителей древней письменности, [т.] 116), Санкт-Петербург, 1899, ч. 1: *Исследование и описание филигранных*, с. 138, № 1410–1411; ч. 3: *Альбом снимков*, с. ССХVIII.

¹¹ Данная опись книг многократно публиковалась, см.: *Вестник Западной России*, 1867, т. 3, кн. 8, отд. 1, с. 49–62; *Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа*, т. 9, Вильна, 1870, с. 49–55 (№ 20); Флавиан Николаевич Добрянский, *op. cit.*, с. XXVII–XXXIII; Николай [Далматов], *Супрасльский Благовещенский монастырь: Историко-статистическое описание*, Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1892, с. 54–61; Михайло Сергійович Грушевський, *Історія України-Руси*, т. 6: *Житє економічне, культурне, національне XIV–XVII віків*, 2 виданне, Київ–Львів: Друкарня П. Барського, 1907, с. 338–340 (прим. 3).

аргументации: кон. I 510-х–нач. I 520-х гг.)¹². Исследователь предложил и альтернативное отождествление с рукописью „Книга Палея“ (по второй части сборника), приобретенной монастырем уже при Сергии Кимбаре (1532–1565)¹³.

Вопреки мнению А. А. Архипова, кодекс не может быть отождествлен с одним из четырех великих сборников древнейшего супрасльского собрания, поскольку все они сохранились до наших дней и представляют собой разные тома Минеи четьей (их современные сигнатуры: F 19–79, 80, 105, 258). Примечательно, что в описи *сразу за ними* следует запись „а пятый на паркгамене“, за которой скрывается древнеболгарский Супрасльский сборник, представляющий собой Минею четью на март с фрагментом цветно-триодного торжественника. Таким образом, в описи 1557 года все списки Минеи четьей древнейшего собрания представлены единым блоком¹⁴.

Если рукопись действительно входила в древнейшее супрасльское собрание, то она может скрываться за иной позицией описи 1557 года под другим названием. Попробуем его установить. В последнем по времени реестре книг Супрасльской обители, составленном в 1836 году, наш сборник представлен под № 1069, где его содержание довольно подробно описано: „Псалтырь, Песни песней, Притчи. Книги бытия небес и земли от изложения иже во святых Отца нашего Иоанна Златоустаго; о творении твари видимыя и невидимыя, о Христове воплощении, о рождении и пришествии Его на землю, и отвержении

¹² Андрей А. Архипов, *op. cit.*, с. 149–150, 155.

¹³ *Ibid.*, с. 150, прим. 51.

¹⁴ Подробнее см.: Надежда Афанасьевна Морозова, Сергей Юрьевич Темчин, „Древнейшие рукописи Супрасльского Благовещенского монастыря (1550–1532 гг.)“, in: Jarosław Charkiewicz (ed.), *Z dziejów monasteru supraskiego: Materiały międzynarodowej konferencji naukowej „Supraski monaster Zwiastowania Przenajświętszej Bogarodzicy i jego historyczna rola w rozwoju społeczności lokalnej i dziejach państwa“* (Supraśl–Białystok, 10–11 czerwca 2005 r.), Białystok: Oikonomos, 2005, s. 117–140.

жидов¹⁵ (т. е. указаны всего 4 книги, из которых последняя – Палея). В предыдущий список супрасльских книг 1830 года интересующий нас сборник внесен под заглавием „Сей есть Корень Иессеов“¹⁶, восходящим к надписанию начальной гравюры пражского издания Псалтыри Скорины, скопированному в начале Виленского ветхозаветного свода (перед Предисловием к Псалтыри). В более раннем реестре 1668 года сборник описан как „Псалтырь, в ней книги Бытия, Причты Соломоновы“¹⁷ (т. е. указаны всего 3 книги, причем под Книгой Бытия подразумевается не библейская книга, как может показаться на первый взгляд, а Палея – Книга бытия небес и земли...). Примечательно, что при раскрытии содержания сборника в обоих случаях (описи 1836 и 1688 гг.) на первом месте указана Псалтырь, расположенная в середине кодекса¹⁸. Этому, безусловно, способствовало наличие Предисловия к Псалтыри в самом начале рукописи. В более ранних реестрах книга вполне могла быть описана просто как Псалтырь.

В древнейшем супрасльском собрании было четыре Псалтыри (без толкований) большого формата, но ни одна из них не может претендовать на отождествление с нашим библейский сборником: 1) „Книга Псалтыря, в десь, окованая позлотистыми пуклями“ (сохранившийся на библейском сборнике старый переплет явно отличен от описанного); 2) „Книга Псалтыря митрополита Солтана в десь же“ (это была богослужебная, следованная Псал-

¹⁵ Лариса Леонидовна Шавинская, *Литературная культура белорусов Подляшья XV–XIX вв.*, Минск: Национальная библиотека Беларуси, 1998, с. 155.

¹⁶ *Ibid.*, с. 150.

¹⁷ *Ibid.*, с. 147.

¹⁸ При публикации упоминавшегося обращения православных князей Великого княжества Литовского к константинопольскому патриарху виленские археографы охарактеризовали содержание кодекса аналогичным образом: „Рукопись содержит списки Псалтыри и некоторых других книг Священного Писания, сделанные с издания Скорины“, см.: *Археографический сборник документов...*, т. 1, с. 3.

тырь¹⁹, тогда как библейский сборник явно не таков); 3) „Псалтыря, по которой в церкви говорят“ (это тоже богослужебная рукопись); 4) „Псалтыря великая келейная“ (эта рукопись также была богослужебной, поскольку использовалась в келье для исполнения индивидуального монашеского правила).

Очевидно, что сборник, содержащий переводы с древнееврейского, был приобретен Супрасльским монастырем не ранее, чем при Сергии Кимбаре, т. е. в 1532–1557 годах. Предложенное А. А. Архиповым альтернативное отождествление с Палеей кимбаровского книжного собрания ошибочно: до нас дошел супрасльский список Палеи (Вильнюс, Библиотека АН Литвы, ф. 19, № 84), датируемый первой четвертью XVI века²⁰, но не входивший в древнейшее супрасльское собрание (в описи которого Палея отсутствует). В реестре книг кимбаровского собрания вслед за позицией „Книга Палея“ значится „Книга Бытия“. В принципе за таким названием может скрываться как библейская Книга Бытия, так и Палея (Книга бытия небес и земли...), однако в данном случае второе исключено: если бы следующие друг за другом позиции „Книга Палея“ и „Книга Бытия“ были синонимичными и относились бы к Палее, то в описи использовалось бы одно из этих названий с указанием на два экземпляра (как это регулярно делается в описи 1557 г.). Следовательно, под названием „Книга Бытия“ скрывается библейский кодекс. И действительно, до нас дошел супрасльский экземпляр Пятикнижия (Вильнюс,

¹⁹ Данный факт устанавливается на основе письма Сергия Кимбара киевскому митрополиту Макарию II около 1536 г., где упоминается Часослов Иосифа Солтана, явно тождественный Псалтыри митрополита Солтана описи 1557 г., см. публикации письма: *Архив Юго-Западной России*, т. 7, ч. 1, Киев, 1887, с. 3–15; Юрий Андреевич Лабынцев, Лариса Леонидовна Щавинская, *Православная Академия Ходкевичей и ее издания*, Минск: Национальная библиотека Беларуси, 1996, с. 135–149.

²⁰ О рукописи см.: Флавиан Николаевич Добрянский, *op. cit.*, с. 150–151; Надежда Афанасьевна Морозова, Сергей Юрьевич Темчин, *op. cit.*, с. 120 (новая датировка).

Библиотека АН Литвы, ф. 19, № 51)²¹, написанный в 1514 году, но не входивший в древнейшее супрасльское собрание (в описи которого книга такого содержания не указана).

Виленский ветхозаветный свод можно отождествить с первой из двух книг кимбаровского собрания, описанных как „Псалтыри 2: одна великое паперы, а другая Жабинс(кая)“²². Как было показано выше, наш сборник вполне мог быть описан как Псалтырь, а его большой формат (в лист) хорошо согласуется с определением „великое паперы“. Иной супрасльской экземпляр Псалтыри, который мог бы претендовать на отождествление с данной позицией описи, не известен.

Второй водяной знак рукописи недавно отождествлен (солнце с вертикальной линией, заканчивающейся звездой: *Vriquet* № 13908 – Брюссель, 1522 г.; Кольмар, 1531)²³. Сочетание обоих водяных знаков позволяет датировать рукопись более узко в пределах первой трети XVI века, но после 1517 года, т. е. около 1517–1530 годов²³. Получается, что предложенная А. А. Архиповым датировка кодекса, хотя и основана на ошибочных допущениях, но по существу верна.

Точное место написания сборника неизвестно. А. А. Архипов высказался по этому поводу так: „Представляется очень вероятным, что рукопись была создана там же, где и Учительное Евангелие Каллиста [написанное в 1514 г. на бумаге с тем же водяным знаком – С. Т.], т. е. в Киеве, и затем была перенесена в Супрасль одним из ее монахов: как известно, монахи Супрасльской обители были привезены Александром Ходкевичем из Киево-Печерской лавры“²⁴. Однако это предположение основано на неверной

²¹ См. описание: Флавиан Николаевич Добрянский, *op. cit.*, с. 63–64.

²² Георгій Якаўлевіч Галенчанка, *op. cit.*, с. 10.

²³ Необоснованно узко, первой четвертью XVI века, этот кодекс датирован в работе: Надежда Афанасьевна Морозова, Сергей Юрьевич Темчин, *op. cit.*, с. 120.

²⁴ Андрей А. Архипов, *op. cit.*, с. 150, прим. 51.

посылке о том, что данный сборник поступил в обитель до 1532 года (вместе с первыми насельниками, прибывшими из Киева), тогда как он, как мы видели, был приобретен лишь при Сергии Кимбаре (1532–1565). Кроме того, факт использования бумаги с одинаковым водяным знаком в киевской копии Учительного евангелия (1514 г.) и в Виленском ветхозаветном своде не является надежным основанием для определения места написания последнего: ведь та же бумага, по определению Ш. М. Брике, использовалась также в Брюсселе (1522 г.) и Кольмаре (1531 г.).

Допустима и иная локализация Виленского свода: он мог быть написан, например, в Луцке, главный собор которого был посвящен Иоанну Богослову. На это, возможно, указывает наличие в кодексе миниатюры с изображением ап. Иоанна и его ученика св. Прохора, которой снабжен далеко не центральный текст сборника (Толкование на Апокалипсис Андрея Кесарийского, лл. 368–404 об.). Такая локализация хорошо согласуется с выводами о том, что язык рукописи указывает на белорусско-украинское пограничье²⁵ и на западные окраины Великого княжества Литовского²⁶. Кодекс мог быть написан и в самом Супрасльском монастыре, один из храмов которого был также посвящен ап. Иоанну Богослову. Поиски палеографических параллелей к данной рукописи, вероятно, помогут уточнить место ее написания.

В любом случае сборник, содержащий переводы с древнееврейского, был выполнен православным книжником и впоследствии оказался объединенным в один кодекс с написанными в том же скриптории и в то же самое время противоиудейскими полемическими текстами (такое тематическое сочетание вполне

²⁵ Володимир Миколайович Перетц, „До історії перекладу Біблії в Західній Русі: Книга Естери в перекладі кінця XV віку“, in: *Фільологічний збірник пам'яті К. Михальчука*, Київ, 1915, с. 25.

²⁶ Paul Wexler, *Explorations in Judeo-Slavic Linguistics*, Leiden: E. Brill, 1987, p. 99–112.

типично для восточнославянской рукописной традиции)²⁷. На полях сборника регулярно отмечалась дневная норма переписанного текста: писец работал ежедневно, в том числе по субботам (чего не мог делать иудей) и воскресеньям²⁸. А. А. Архипов показал, что этот книжник, переписывавший славянские переводы с еврейского, не был знаком ни с древнееврейским языком (и соответствующим произношением), ни даже с еврейским алфавитом²⁹.

Виленский свод содержит разные по происхождению библейские тексты: а) восемь ветхозаветных книг (Иов, Руфь, Песнь песней, Экклезиаст, Притчи Соломоновы, Плачь пророка Иеремии, книга пророка Даниила, Эсфирь) в переводе с древнееврейского языка на русскую мову; б) церковно-славянскую (с умеренным количеством западнорусизмов) Псалтырь, не восходящую к скорининским изданиям³⁰ и правленую по Вульгате³¹; в) следующий после книги Эсфирь заключительный фрагмент Притчей Соломоновых на церковно-славянском языке, также отличный от скорининского текста и правленный по Вульгате³².

²⁷ Андрей А. Архипов, *op. cit.*, с. 163.

²⁸ Названия различных дней недели, приходящиеся на начало библейских книг и выписанные при киноарных заголовках последних, выполнены киноварью. Утверждение А. А. Архипова о том, что киноварью отмечены лишь воскресные дни, не соответствует действительности, но уже вошло в научную литературу, см.: *Ibid.*, с. 156–157; Francis J. Thomson, „The Slavonic Translation of the Old Testament“, p. 876.

²⁹ Андрей А. Архипов, *op. cit.*, с. 157, 162–163.

³⁰ Петр Владимирович Владимиров, *Доктор Франциск Скорина: Его переводы, печатные издания и язык*, Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1888, с. 239.

³¹ Moshe Taube, „The Vilnius 262 Psalter: A Jewish Translation?“, in: Wolf Moskovich et al. (eds.), *Judaeo-Slavica et Russica: Festschrift Professor Ilya Serman*, (*Jews and Slavs*, vol. 14), Иерусалим–Москва: Гешарим–Мосты культуры, 2004, p. 27–38.

³² Moshe Altbauer, „Ze studiów nad wschodniosłowiańskimi przekładami Biblii (o dwóch przekładach biblijnego akrostychu o znacznej niewieście)“, in: *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*, t. 7, Warszawa, 1967, s. 179–190.

Переведенные с древнееврейского ветхозаветные книги, содержащиеся в Виленском своде, представляют собой не оригинал перевода, а список с более раннего антиграфа³³, сам же перевод обычно датируется второй половиной XV века³⁴. Одна деталь (название еврейской буквы *йод*) показывает, что писец Виленского свода мог быть знаком с Десятоглавом – сборником библейских книг 1502–1507 годов, начатым в Вильне и завершенным в Супрасле Матвеем Десятым (где представлено такое же название еврейской буквы), либо сам Матвей имел доступ к антиграфу Виленского свода³⁵.

В результате тщательного анализа переводного текста книги пророка Даниила А. А. Архипов реконструировал культурный портрет переводчика, складывающийся из трех основных черт (каждая из них в свою очередь реализуется в нескольких признаках).

Во-первых, этот книжник довольно тонко знал масоретскую традицию и предпочитал ее христианскому библейскому преданию, поскольку:

- 1) знал еврейский алфавит;
- 2) переводил на славянский раздел *ketubim* ('писаний') масоретской Библии;
- 3) при переводе библейского текста последовательно учитывал редакторские глоссы типа *qari*;

³³ Константин Иванович Логачев (ред.), „Документы Библейской комиссии“, in: *Богословские труды*, сб. 14, Москва, 1975, с. 206–207, документ № 2 (мнение Владимира Николаевича Перетца); Андрей А. Архипов, *op. cit.*, с. 155–158; Francis J. Thomson, „The Slavonic Translation of the Old Testament“, p. 875–876; Moshe Taube, „The Book of Job in Vilnius 262“, in: Wolf Moskovich, Svetlina Nikolova (eds.), *Judaeo-Bulgarica, Judaeo-Russica et Palaeoslavica, (Jews and Slavs, vol. 15)*, Jerusalem–Sofia: The Center for Slavic Languages and Literatures of the Hebrew University of Jerusalem–The Cyrillo-Methodian Research Center of the Bulgarian Academy of Sciences, 2005, p. 293–295.

³⁴ См. обзор мнений: Francis J. Thomson, „The Slavonic Translation of the Old Testament“, p. 876, note 1294; ср.: Андрей А. Архипов, *op. cit.*, с. 248.

³⁵ См.: Андрей А. Архипов, *op. cit.*, с. 161–162.

4) имел ясное представление о двуязычной композиции масоретского текста книги пророка Даниила, написанной на близко родственных между собой древнееврейском и арамейском языках (в еврейской традиции первый считался более престижным), и считал необходимым отразить ее в своем переводе;

5) древнееврейским языком владел лучше, чем арамейским: последний он воспринимал сквозь призму своего активного владения первым языком (что вообще характерно для средневековой еврейской традиции);

6) некоторые мессианские пророчества трактовал не в духе христианства;

Во-вторых, переводчик был знаком со славянской традицией ВКЛ, поскольку:

7) использовал традиционный церковно-славянский перевод книги пророка Даниила (однако аналогичный перевод Плача пророка Иеремии был ему недоступен);

8) при переводе книги пророка Даниила старался передать ее двуязычную композицию (как известно, начальные и заключительные главы этой книги написаны по-древнееврейски, но срединная его часть передана по-арамейски), используя два славянских письменных языка ВКЛ: руську мову и церковно-славянский язык соответственно;

9) руську мову знал гораздо лучше, чем церковно-славянский язык (которым, возможно, вообще активно не владел): для передачи арамейской части книги пророка Даниила он использовал традиционный церковно-славянский перевод, в который вносил свои исправления (выполненные по масоретскому тексту) на *руськой мове*;

В-третьих, переводивший не был уроженцем ВКЛ, поскольку:

10) произносил древнееврейский текст, следуя не ашкеназскому (характерному для Средней и Восточной Европы), а сефардскому произношению (характерному для Испании и Пор-

тугалии); однако данный признак может относиться не к автору содержащихся в Виленском своде переводов с древнееврейского, а к иному лицу – к которому восходят названия еврейских букв, выписанные в переводе акростишного еврейского текста, но, вероятно, отсутствовавшие в антиграфе Виленского свода;

1 1) изредка использовал Вульгату – латинский перевод Библии блаженного Иеронима (по крайней мере книги Притчей Соломоновых), что вряд ли характерно для евреев ВКЛ;

1 2) очень своеобразно понимал функции двух славянских языков ВКЛ: церковно-славянский язык неизменно считался более престижным по сравнению с руськой мовой, однако переводчик интерпретировал их функциональные взаимоотношения ровным счетом наоборот, переводя древнееврейский текст книги пророка Даниила на руську мову, а для арамейского фрагмента заимствуя церковно-славянский текст (и исправляя его по масоретской Библии); в этом отношении книга пророка Даниила Виленского свода совершенно уникальна и не имеет аналогов в восточнославянской книжности.

Иными исследователями установлены еще некоторые черты переводчика, который:

1 3) вероятно, владел языком идиш³⁶;

1 4) в своей работе использовал более ранний перевод Песни песней, выполненный непосредственно с древнееврейского на церковно-славянский язык предположительно в XIV веке³⁷;

1 5) при интерпретации текста библейской книги Иова регулярно руководствовался составленными в 1 3 2 5 году коммен-

³⁶ Moshe Altbauer, *Some Methodological Problems in Research of the East-Slavic Bible Translations (Vilnius codex *262)*, Jerusalem: Israeli Slavists' Committee, 1968, p. 5; Moshe Altbauer, Moshe Taube, *The Five Biblical Scrolls in a Sixteenth-Century Jewish Translation into Belorussian (Vilnius Codex 262)*, Jerusalem: Israel Academy of Sciences and Humanities, 1992, p. 71–72.

³⁷ Francis J. Thomson, „The Slavonic Translation of the Old Testament“, p. 878; Анатолий Алексеевич Алексеев, *Песнь Песней...*, с. 141–142.

тариями уроженца Баньоля (в Лангедоке) Леви бен Герсона (1288–1344), в частности теми, где в качестве вспомогательного метаязыка использован старофранцузский (как известно, евреи Прованса и Лангедока в быту использовали язык основного местного населения)³⁸.

По одному вопросу (черта № 10) высказаны альтернативные мнения: написание личных имен Виленского ветхозаветного свода отражает не ашкеназское произношение древнееврейского текста, но и не сефардское, а иное, которое близко к произношению караимов Литвы³⁹ и/или отражает византийскую (и, возможно, до-ашкеназскую восточно- и южноевропейскую) традицию произношения древнееврейского текста⁴⁰. Следует отметить, что само понятие византийской (и до-ашкеназской восточно- и южноевропейской, т. е. балканской) традиции еврейского произношения, использованное по иному поводу, было подвержено критике⁴¹.

Реконструированные черты переводчика, создающие в своей совокупности довольно подробный культурный портрет личности, позволяют заключить, что это был еврей, прибывший в ВКЛ из других земель, но проживший здесь достаточно долго, чтобы выучить руську мову и (пассивно) церковно-славянский язык. Видимо, это был сефард или, что более вероятно, провансальский еврей – на такое происхождение могут указывать сразу несколько обстоятельств: а) следование соответствующему произношению еврейского текста (однако этот признак может относиться к иному лицу); б) владение несколькими романскими языками (старофранцузским и латинским); в) спорадическое

³⁸ Moshe Taube, „The Book of Job in Vilnius 262“, p. 289–292.

³⁹ Moshe Altbauer, Moshe Taube, *op. cit.*, p. 22.

⁴⁰ Moshe Taube, „The Book of Job in Vilnius 262“, p. 282.

⁴¹ См.: Ирина Люсен, *Книга Есфирь: К истории первого славянского перевода*, (*Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Slavica Upsaliensia*, 41), Uppsala, 2001, с. 285–286, прим. 49.

обращение к Вульгате как к *авторитетному* источнику⁴²; г) не просто знакомство с комментариями Леви бен Гершона к библейской книге Иова (они были хорошо известны и получили особое распространение после того, как были впервые напечатаны в Ферраре в 1477 г.), но и *предпочтение* их всем остальным. Такому заключению не противоречит предполагаемое для переводчика знание языка идиш – ведь если переселенец из иных краев выучил в Киеве не только руську мову (не чуждую местным евреям)⁴³, но и в некоторой степени церковно-славянский, то он тем более должен был овладеть языком идиш.

А. А. Архипов воздержался не только от подобных выводов, но и от предположений относительно личности переводчика, которая, тем не менее, поддается идентификации: по историческим источникам известен конкретный человек, живший именно во второй половине XV века в Киеве и, как мы увидим, в точности соответствующий реконструированному портрету.

По всей видимости, это Захария бен Аарон га-Кохен – ученый еврей из круга молодого, но уже известного киевского раввина Моисея бен Иакова (1449–ок. 1520), переписавший в Киеве несколько сохранившихся до наших дней еврейских рукописей (идентифицированы М. Таубе)⁴⁴, в которые вносил собственные комментарии: 1) в 1454 году – астрономический трактат Иоанна де

⁴² Есть основания думать, что западноевропейские евреи пользовались в религиозных целях переводом Священного Писания, выполненным блаженным Иеронимом, см.: Salo Wittmayer Baron, *A Social and Religious History of the Jews*, vol. 6: High Middle Ages: Laws, Homilies, and the Bible, second edition, revised and enlarged, New York: Columbia University Press, 1958, p. 273ff.

⁴³ См.: Сергей Александрович Бершадский, *Литовские евреи: История их юридического и общественного положения в Литве от Витовта до Люблинской унии (1388–1569 г.)*, Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1883, с. 395.

⁴⁴ См.: Moshe Taube, „The Kievan Jew Zacharia and the Astronomical Works of the Judaizers“, in: Wolf Moskovich et al. (eds.), *ΙΟΥΔΑΪΚΗ ΑΡΧΑΙΟΛΟΓΙΑ: In Honour of Professor Moshe Altbauer, (Jews and Slavs, vol. 3)* Jerusalem: The Israel Academy of Sciences and Humanities etc., 1995, p. 168–198.

Сакробоско *О сфере*, написанный по-латыни в первой половине XIII века и переведенный затем на древнееврейский неизвестным переводчиком (позже именно этот список 1454 г. был переведен на русскую мову); 2) в 1468 году – астрономический трактат аль-Фергани, в XIII веке переведенный с латыни на древнееврейский и выправленный по арабскому оригиналу Иаковом Анатоли, которой начал свою книжную деятельность в Провансе, но затем долгое время работал в Неаполе (этот список 1468 г. принадлежал киевскому раввину Моисею бен Иакову). В иных двух рукописях Захарии место работы писца не указано, но их хронология (1455 и 1456 гг.) позволяет считать, что и они написаны в Киеве: 3) в 1455 году – фрагменты книги *Моисеев слуга* (постмаймонидского апологетического комментария к трактату *Путеводитель блуждающих*, приписанного Калонимосу, работавшему, вероятно, в XIII в. в Провансе), восполняющие утрату одного начального и трех заключительных листов кодекса; 4) в 1456 году – книга *Дух благодати* (постмаймонидский философский трактат с элементами метафизики, гипотетически приписываемый различным провансальским авторам – Самуилу ибн Тиббону, Иакову Анатоли либо Зерахии Леви Анатоли).

М. Таубе аргументировано считал, что Захария бен Аарон га-Кохен покинул Киев в 1482 году (когда город был захвачен татарами) и, посетив Иерусалим, отправился в Дамаск, где написал еще одну рукопись, сохранившуюся до наших дней: 5) в 1485 году – фрагмент третьей книги трактата Аверроэса (ибн Рушда) *О движениях небесных сфер* (переведенной в XIII в. на древнееврейский язык Соломоном бен Иосифом ибн Айюбом, который был родом из Гренады, но жил в Безье, что в Лангедоке), восполняющий утраченные листы в кодексе, писанном иным книжником.

Еще в начале XX века установлено⁴⁵, что Захария может быть тождественен упоминаемому в *Просветителе* Иосифа Волотского ученому еврею Схарии, сведущему в астрономии и иных науках,

который осенью 1471 года вместе со слущким князем Михаилом Олельковичем прибыл по торговым делам из Киева в Новгород, где стал родоначальником движения жидовствующих⁴⁶. Иные интерпретации этих исторических сведений (включая скептическое отношение к ним)⁴⁷, не учитывают давно известного, но лишь теперь по достоинству оцененного текста, содержащегося в церковно-славянской рукописи 1520–1530-х годов (Киев, Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского, ф. 303 (Собр. Мелецкого монастыря), № 117п)⁴⁸, где Схария эксплицитно представлен как философ (и имплицитно – как переводчик с древнееврейского на руську мову)⁴⁹.

⁴⁵ См.: Julius Brutzkus, „Judaisierende“, in: Jacob Klatzkin (ed.), *Encyclopaedia Judaica: Das Judentum in Geschichte und Gegenwart*, Bd. 9, Berlin: Verlag Eschkol A.-G., 1932, cols. 520–522.

⁴⁶ О Схарии см.: Владимир Вольфович Богуславский (ред.), *Славянская энциклопедия: Киевская Русь–Московия*, т. 2, Москва: Олма-Пресс, 2001, с. 456–457 (с русской литературой).

⁴⁷ См., например: Cesare G. De Michelis, *La Valdesia di Novgorod: „Giudaizzanti“ e prima riforma*, Torino: Claudiana, 1993, p. 85–87, 91–92, 165–166; Jacob Luria, „Источники по истории „новоявившейся новгородской ереси“ („жидовствующих“)“, in: Wolf Moskovich et al. (eds.), *ΙΟΥΔΑΪΚΗ ΑΡΧΑΙΟΛΟΓΙΑ: In Honour of Professor Moshe Altbauer*, p. 211–213.

⁴⁸ Искренне благодарю Л.А. Гнатенко за любезно сообщенную мне датировку рукописи. См. печатное описание кодекса: Николай Иванович Петров, Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве, вып. 1: Собрание рукописей Московского митрополита Макария (Булгакова), Мелецкого монастыря на Волыни, Киево-Братского монастыря и Киевской духовной семинарии, Москва: Университетская типография, 1891 (напечатано также в: Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1892, кн. 1, с. 1–174; кн. 2, с. 175–240, кн. 3, с. 241–321), с. 213–218 (№ 117).

⁴⁹ См.: Владимир Николаевич Перетц, *Новые труды по источниковедению древнерусской литературы и палеографии: Критико-библиографический обзор, XVI–XXIV* (оттиск из *Киевских университетских известий*), Киев, 1906, с. 109; Moshe Taube, „The Fifteenth-Century Ruthenian Translations from Hebrew and the Heresy of the Judaizers: Is There a Connection?“, in: Vyacheslav Vsevolodovich Ivanov, Julia Verkholantsev (eds.), *Speculum Slaviae Orientalis: Muscovy, Ruthenia and Lithuania in the Late Middle Ages*, (University of California, Los Angeles. *UCLA Slavic Studies, New Series*, vol. 4), Moscow: Novoe izdatelstvo, 2005, p. 196–198.

Захария бен Аарон га-Кохен, живший в Киеве по крайней мере с 1454 года (по 1482?) и, вполне возможно, побывавший в Новгороде в 1471 году, может считаться автором библейских переводов с древнееврейского, содержащихся в Виленском ветхозаветном своде, поскольку он: а) жил в Киеве именно во второй половине XV века, когда предположительно были выполнены указанные переводы; б) не только писал, но и комментировал еврейские рукописи, впоследствии переведенные на русскую мову; в) в точности соответствует реконструированному портрету переводчика.

Действительно, абсолютно все еврейские рукописи, собственноручно переписанные (либо восполненные) Захарией бен Аароном га-Кохеном, содержат тексты (в том числе переводы с латыни), непосредственным образом связанные с Провансом в широком смысле (включая Лангедок), на что до сих пор не обращалось должного внимания. Разумеется, на этом основании нельзя заключить, что он сам происходил из этого региона (еврейство Прованса и Лангедока исчезло как отдельная социальная и культурная общность к началу XV в.), но совершенно очевидно, что Захария был активным носителем высокоразвитой еврейско-провансальской ученой традиции⁵⁰. Это, в свою очередь, делает очень вероятным владение романскими языками (старофранцузским и латынью).

Данный вывод усиливается тем обстоятельством, что с древнееврейского на русскую мову был переведен (вскоре после 1465 г.) также трактат *Шестокрыл*, составленный в 1365 году Иммануэлем бен Иаковом Бонфисом (1300–1377) из Тараскона (в Провансе)⁵¹. Этот трактат в 1471 году был прокомментирован

⁵⁰ Ср. догадку о том, что Захария (Схария славянских источников) был представителем наиболее интеллектуальных кругов *западного еврейства*, см.: Антон Владимирович Карташев, *Очерки по истории Русской Церкви*, т. 1, Москва: Наука, 1991 (репринтное воспроизведение парижского издания 1959 г.), с. 489–491.

⁵¹ Moshe Taube, „The Kievan Jew Zacharia and the Astronomical Works of the Judaizers“, p. 174–177, 191–198.

киевским раввином Моисеем бен Иаковом, причем его автограф сохранился в составе одного конволютного кодекса вместе с рукописью Захари бен Аарона га-Кохена, помеченной 1468 годом⁵². Наконец, в трактате *Шестокрыл*, известном в Киеве сразу в нескольких языковых версиях (древнееврейской, славянской и греческой, о чем ниже), автор использовал, среди прочего, работы своего старшего современника из соседнего Лангедока Леви бен Гершона – того самого, чьи комментарии на книгу Иова использованы при переводе текстов Виленского свода.

В таком свете по-новому выглядит *латинское* по происхождению имя Скарявей (*Scarabeus), которое носил один из евреев, прибывших из ВКЛ в Новгород вслед за Схарией. Это имя логичнее вписывается в этноязыковой (еврейско-провансальский либо сефардский), чем в общекультурный (гуманистический) контекст⁵³. Более того, по сообщению Иосифа Волоцкого, прибывшие из Киева в Новгород евреи поощряли первых жидовствующих держать в тайне свои убеждения и удерживали их от совершения обряда обрезания, чтобы при официальном сыске не было улик. Следовательно, им было известно не только о возможности двойной религиозной идентификации (что предполагает знакомство с традицией марранов – испанских евреев, вынужденных к принятию христианства и тайно исповедовавших иудаизм), но и о направленных против нее усилиях инквизиции. С другой стороны, совершенно естественным оказывается интерес преследовавшего жидовствующих новгородского архиепископа Геннадия к опыту испанской инквизиции (с которым он познакомился в 1486 г.) и попытки его практического использования с опорой на западноевропейские (католические) письменные источники⁵⁴.

⁵² *Ibid.*, p. 171–172.

⁵³ О котором см.: Владимир Николаевич Перетц, „Новые труды о „жидовствующих“ XV в. и их литературе“, in: *Киевские университетские известия*, г. 48, кн. 10, Киев, 1908, с. 5 (пятой пагинации).

⁵⁴ См.: Антон Владимирович Карташев, *op. cit.*, с. 496–497, 504.

Таким образом, уже в 1470–1480-х годах как иудейская, так и ортодоксально настроенная православная стороны религиозной полемики прекрасно понимали, с чем имеют дело.

Если Захария бен Аарон га-Кохен действительно был носителем еврейско-провансальской традиции, что видно по характеру переписанных им текстов, то он скорее всего прибыл в Киев не из западного Средиземноморья, а из Византии, куда в 1391 году начали переселяться сефарды и где вскоре начали появляться переводы с древнееврейского на греческий тех же провансальских трактатов, которые впоследствии переводились на славянский в Киеве⁵⁵. Вряд ли случайно, что именно в конце XIV–начале XV века в Византии появился двуязычный перевод библиейской книги пророка Даниила, отражающий, подобно Виленскому своду, двуязычную композицию масоретского оригинала: основной текст перевода написан на престижном аттическом диалекте, тогда как арамейская часть переведена на дорийский диалект. А. А. Архипов отметил, что данная греческая рукопись, хранящаяся ныне в Библиотеке св. Марка в Венеции (Manuscript. Graec. № VII) и содержащая, кроме книги пророка Даниила, также Пятикнижие, книги Руфь, Притчи Соломоновы, Песнь песней, Экклезиаст и Плач пророка Иеремии, по составу близка Виленскому своду⁵⁶.

Можно указать на вероятные пути проникновения переводческого интереса к иудейским научным трактатам из Византии в Киев. Греческими переводами с еврейских оригиналов располагал Исидор, митрополит Киевский и всея Руси (1437–1441), грек по национальности: известна его собственноручная копия *Шестокрыла* (переведенного с древнееврейского на греческий Михаилом Хрисококком в 1435 году) и принадлежавший ему перевод *Астрономических таблиц* Иакова бен Давида Йом Това

⁵⁵ Philippe Gardette, „Judaeo-Provençal Astronomy in Byzantium and Russia (14th–15th c.)“, in: *Byzantinoslavica*, vol. 63, Prague, 2005, p. 195–209.

⁵⁶ Андрей А. Архипов, *op. cit.*, с. 167–168.

(выполненный с латинской версии эфесским митрополитом Марком Евгеником)⁵⁷.

М. Таубе считает, что в кругу киевского раввина Моисея бен Иакова, получившего образование в Константинополе (уже после его завоевания турками в 1453 г.), древнееврейские тексты переводились на руську мову в миссионерских целях – в преддверии пришествия Мессии, ожидавшегося иудеями в 1492 году⁵⁸. Однако еврейский переводческий проект вряд ли мог быть осуществлен без соответствующей заинтересованности воспринимающей (славянской) стороны. В связи с этим заслуживает внимания предположение Р. Романчука о том, что переводы с древнееврейского языка на руську мову выполнялись Захарией бен Ароном га-Кохеном, чья книжная деятельность в Киеве прослеживается в 1454–1468 годах, для киевского князя Симеона Олельковича (1454–1470)⁵⁹. Примечательно, что его отец, киевский князь Александр (Олелько) Владимирович, выдал в 1441 году вышеупомянутому киевскому митрополиту Исидору особую грамоту, подтверждающую имущественные, судебные и финансовые права последнего. Видимо, этим временем и следует датировать зарождение интереса киевских князей к еврейской ученой традиции, в частности к трактатам типа *Шестокрыла*.

Существует имплицитное, но все же довольно ясное свидетельство того, что Виленский свод содержит библейские переводы, выполненные именно Захарией бен Ароном га-Кохеном. Князь

⁵⁷ Moshe Taube, „The Kievan Jew Zacharia and the Astronomical Works of the Judaizers“, p. 181, note 20.

⁵⁸ Moshe Taube, „The Fifteenth-Century Ruthenian Translations from Hebrew...“, p. 202–203.

⁵⁹ См.: Robert Romanchuk, „The Reception of the Judaizer Corpus in Ruthenia and Muscovy: A Case Study of the *Logic* of Al-Ghazzali, the “Cipher in Squares”, and the Laodicean Epistle“, in: Vyacheslav Vsevolodovich Ivanov, Julia Verkholtantsev (eds.), *Speculum Slaviae Orientalis: Muscovy, Ruthenia and Lithuania in the Late Middle Ages*, (University of California, Los Angeles. UCLA Slavic Studies, New Series, vol. 4), Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2005, p. 146–147.

Андрей Курбский, живший в ВКЛ в 1564–1583 годах, обвинял Франциска Скорину в том, что тот переводил Библию с еврейских оригиналов: „<...> книги обретаются в земли нашей Ветхаго и Новаго завета и пророческие вси, а превод Скорины Полотскаго, преведены не в давных летех, аки лет 50 или мало к сим, с препорченных книг жидовских“; „<...> и внимающи во всем переводу сему новому не мало от язык верующих соблазнишася, и близ разума жидовскаго во всем мудрствующе“⁶⁰. Ветхозаветные книги, изданные Скориной в 1517–1519 годах, не дают основания для подобных обвинений: в их тексте можно усмотреть влияние чешской Библии и Вульгаты (кроме того, издатель включал в свои предисловия переводы Иеронимовых *prologus*’ов к латинским переводам библейских книг). Вместе с тем в написанных Скориной предисловиях постоянно встречаются полемические выводы против иудеев⁶¹, хотя он и сотрудничал с консультантом-евреем во второй половине своей издательской деятельности в Праге (20.12.1518–15.12.1519 г.)⁶².

Это обосновательное обвинение, предъявленное Курбским Скорине, объяснялось по-разному: а) князь Андрей просто перепутал разные переводы и ереси⁶³; б) обвинение представляет собой аллюзию на сотрудничество Скорины с печатником-евреем (предполагающееся для периода после 1530 г.)⁶⁴ либо обычный пропагандистский ход, направленный не только против изданий Скорины, но и вообще против использования живого языка в Священном Писании⁶⁵; в) недоразумение объясняется знакомством Курбского

⁶⁰ Андрей Курбский, *Сочинения князя Курбского*, т. 1: Сочинения оригинальные, (*Русская историческая библиотека*, издаваемая Императорскою археографическою комиссиею, т. 31), Санкт-Петербург, 1914, стб. 401–402.

⁶¹ См.: Андрей А. Архипов, *op. cit.*, с. 153.

⁶² Сергей Шупа, „Гэбрайска́я элемэнты ў праскіх выданьнях Францішка Скарыны“, in: *Запісы Беларускага інстытуту навукі й мастацтва*, New York, 1994, с. 68–75.

⁶³ Петр Владимирович Владимиров, *op. cit.*, с. 41.

⁶⁴ Mieczysław Gębarowicz, „Iwan Fedorow i jego działalność w latach 1569–1583 na tle epoki“, in: *Roczniki Biblioteczne*, т. 13, 1969, с. 24.

⁶⁵ *Ibid.*, с. 406–407.

с Виленским ветхозаветным сводом, где библейские переводы с древнееврейского выписаны вслед за скорининским Предисловием к Псалтыри, в тексте которого упоминается имя переводчика (= издателя), причем это единственный известный сборник такого рода.

Последнее объяснение надежно аргументировано⁶⁶ и потому наиболее вероятно. Но в таком случае возникает новый вопрос, сформулированный М. Таубе: почему в Виленском своде Предисловие Скорины помещено перед переводами с древнееврейского?⁶⁷

Это, вероятно, произошло вследствие созвучия имен Франциска Скорины и Захарии бен Аарона га-Кохена, который в славянских источниках назывался не только *Схария*, но также *Схорына*⁶⁸, *Скарина*⁶⁹, *Схарина*⁷⁰ (эта вариативность выявлена еще в XIX в.)⁷¹. Таким образом, Курбский, видимо, не был первым человеком, спутавшим двух переводчиков ветхозаветных книг на славянский язык: христианина Скорину и иудея Схарину. Еще в первой трети XVI века анонимный писец снабдил Виленский ветхозаветный свод Предисловием Франциска Скорины именно потому, что знал реальное имя переводчика библейских текстов с древнееврейского, которого он (ошибочно) отождествил со славянским типографом. Для такого отождествления было сразу

⁶⁶ См.: Андрей А. Архипов, *op. cit.*, с. 150–154.

⁶⁷ Moshe Taube, „The Vilnius 262 Psalter: A Jewish Translation?“, p. 37.

⁶⁸ Рукописный хронограф XVII в., Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (Киев), собр. Макария, митрополита Московского и Коломенского, № 47п/Аа 171, л. 350.

⁶⁹ *Книга степенная царского родословия, содержащая историю Российской с начала оных до времен государя царя и великого князя Иоанна Васильевича, сочинена трудами митр. Киприана и митр. Макария; напечатана под смотрением Герарда Фридерика Миллера, ч. 1, Москва, 1775, с. 476.*

⁷⁰ Василий Никитич Татищев, „История Российская с самых древнейших времен: Книга 5, или по сочинителю часть 4-я древней летописи русской“, in: *Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете*, 1847, кн. 4, отд. 2, с. 109.

⁷¹ См.: Макарий [Булгаков], *История Русской Церкви*, кн. 4: *История Русской Церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240–1589)*, ч. 1, Москва: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996, с. 483, прим. 108.

несколько оснований: а) необычайно близкое созвучие имен⁷²; б) факт перевода обоими на славянский язык именно ветхозаветных текстов; в) непосредственная связь обоих книжников с Великим княжеством Литовским; г) установка обоих переводчиков (в разной мере реализованная) на использование не традиционного церковно-славянского языка, а русской мовы; д) близкая хронология переводов.

В заключение следует оценить вероятность того, что анонимный писец Виленского ветхозаветного свода, созданного около 1517–1530-х годов и поступившего в Супрасльскую обитель в 1532–1557 годах, знал, что автором большинства содержащихся в нем переводов был именно Схария. В этом смысле показательно, что киевская рукопись 1520–1530-х годов (синхронная Виленскому своду), содержащая эксплицитную информацию о нем, находится в ближайшем текстологическом родстве сразу с двумя взаимосвязанными кодексами – древнеболгарским Супрасльским сборником XI века и Златоустом постным первой четверти XVI века (Вильнюс, Библиотека АН Литвы, ф. 19, № 257)⁷³ – которые с самого раннего времени (уже в 1500–1532 гг.) бытовали в Супрасльском монастыре⁷⁴. Это значит, что устные и письменные сведения о Схарии как переводчике библейских и иных древнееврейских текстов действительно могли функционировать в тех местах и в той среде, где создавались ранние супрасльские рукописи, в том числе Виленский ветхозаветный свод.

Iteikta 2006 06 26
Priimta 2006 06 27

⁷² Оно ввело в заблуждение даже такого специалиста как А. И. Соболевский, который осторожно предположил, что имя Схария может быть видоизмененной формой фамилии Скорина, распространенной в ВКЛ, см.: Алексей Иванович Соболевский, *op. cit.*, с. 397, прим. 2.

⁷³ Флавиан Николаевич Добрянский, *op. cit.*, с. 422–428 (здесь рукопись датирована XVI в.).

⁷⁴ См.: Надежда Афанасьевна Морозова, Сергей Юрьевич Темчин, *op. cit.*, с. 126–127, 130–131; Сергей Юрьевич Темчин, *О бытовании древнеболгарского Супрасльского сборника в Великом княжестве Литовском в XV–XVI веках* (в печати).

Sergejus Temčinas

SCHARIJA IR SKORINA:
APIE SENOJO TESTAMENTO
VILNIAUS SAŲVADO ŠALTINIUS (F 19–262)

Santrauka

Supraslio vienuolyno slaviškame rankraštyje (Lietuvos MA biblioteka, F 19–262) yra iš hebrajų kalbos verstų tekstų. Rankraštis susideda iš dviejų dalių. Pirmąją sudaro Pranciškaus Skorinos 1517 m. Prahoje leisto Psalmyno pratarmė ir Senojo Testamento Vilniaus sąvadas – kelios Biblijos knygos, verstos (išskyrus Psalmyną) iš hebrajų kalbos. Antroje dalyje surašyta antijudėjiško turinio Aiškinamoji Palėja (Senojo Testamento krikščioniškoji interpretacija).

Rankraštis rašytas apie 1517–1530 metus nežinomų stačiatikių, kurie sujungė vertimus iš hebrajų kalbos su prieš judėjus nukreiptais polemniais tekstais (tai tipišką derinys). Parašėse kiekvieną dieną žymėta perrašyto teksto dalis: rašyta kasdien, taip pat šeštadieniais (ko negalėtų daryti judėjas) ir sekmadieniais.

Šio rankraščio vertimus iš hebrajų kalbos tyręs A. Archipovas konstatavo, kad čia surašytos Biblijos knygos verstos dar XV a. antroje pusėje ir nustatė vertėjo bruožus, leidžiančius mums manyti, kad jis veikiausiai buvo iš svetur atvykęs judėjas, priklausęs Provanso žydų kultūrinei tradicijai ir ilgesnį laiką gyvenęs LDK. Mokslininkas susilaukė nuo spėlionių apie konkrečią asmenybę, tačiau ją galima nustatyti.

Tikėtina, kad tai Zacharija ben Aaronas ha-Kohenas – mokytas žydas, Kijeve perrašęs žydiškus rankraščius: 1) 1454 metais – iš lotynų kalbos versta Sakrobosko astronominį traktatą *De Sphera Mundi* (vėliau būtent šis nuorašas išverstas į rusėnų kalbą); 2) 1468 metais – al-Ferganio astronominį traktatą, XIII a. išverstą iš lotynų į hebrajų kalbą ir pataisytą pagal arabišką originalą iš Provanso kilusio, bet Neapolyje dirbusio Jokūbo Anatolio. Dar dviejuose Zacharijos rankraščiuose konkrečiai vieta nenurodyta, bet jų chronologija (1455 ir 1456 m.) leidžia manyti, kad ir jie rašyti Kijeve. Vienas jų – tai veikalo *Mozės tarnas* (traktato *Pasimetusiųjų*

vadovas postmaimonidinis apologetinis komentaras, priskirtas Kalonimui, dirbusiam galbūt XIII a. Provanse) fragmentas.

M. Taubé, identifikavęs kelis Zacharijos rankraščius, argumentuotai manė, kad šis paliko Kijevą 1482 m. miestą užgrobus totoriams ir, apsilankęs Jeruzalėje, nuvyko į Damaską, kur 1485 m. parašė dar vieną iki mūsų dienų išlikusį rankraštį.

Seniai nustatyta, kad Zacharija tikriausiai tapatus slaviškuose šaltiniuose minimam mokytam ir astronomiją išmaniusiam žydui Scharijai, kuris 1471 m. rudenį kartu su Slucko kunigaikščiu Michailu Olekovičiumi atvyko iš Kijevo prekybos reikalais į Novgorodą, kur tapo žydaujančiųjų stačiatikių judėjimo pradininku.

Zacharija ben Aaronas ha-Kohenas laikytinas Supraslio rankraščio Biblijos vertimų autoriumi, nes jis: a) gyveno Kijeve būtent XV a. antroje pusėje; b) rašė ir pats komentavo žydiškus rankraščius, vėliau verstus į rusėnų kalbą; c) tiksliai atitinka A. Archipovo rekonstruotą vertėjo portretą (Zacharijos rankraščiuose surašyti tekstai, taip pat vertimai iš lotynų kalbos, buvo sukurti ar funkcionavo Provanse, taigi jis tikrai galėjo būti romanų kalbas mokantis žydas).

Galima pateikti implicitinį, bet gana aiškų įrodymą, kad Supraslio rankraštyje surašyti būtent Zacharijos versti Biblijos tekstai. 1564–1583 m. LDK gyvenęs kunigaikštis Andrejus Kurbskis kaltino Pranciškų Skoriną vertus Bibliją iš žydiškų originalų. A. Archipovas paaiškino šį faktinio pagrindo neturintį kaltinimą tuo, kad Kurbskis buvo matęs Supraslio rankraštį, kuriame iš hebrajų kalbos versti Biblijos tekstai sujungti su Skorinos Psalmyno pratarme, kurioje minimas vertėjo (= leidėjo) vardas. Tuomet kyla naujas klausimas: kodėl Supraslio rankraštyje Skorinos pratarmė pridėta prie vertimų iš hebrajų kalbos?

Tikriausiai tai atsitiko dėl Skorinos vardo panašumo į žydo Zacharijos vardą, kuris slaviškuose šaltiniuose rašomas įvairiai: *Scharina*, *Schorina*, *Skarina*. Taigi Kurbskis nebuvo pirmas supainiojęs du Senojo Testamento knygų vertėjus į slavų kalbą: rusėnų Skoriną ir žydą Schariną.

Sergey Temchin

SCHARIYA AND SKORINA: CONCERNING SOURCES
OF THE VILNIUS' COPY OF THE OLD TESTAMENT (F 19-262)

Summary

The Slavonic manuscript from the Monastery of Suprasl (Library of the Lithuanian Academy of Sciences, F 19-262) contains translations from Hebrew. The manuscript consists of two parts. The first part comprises an introduction to the book of Psalms published in 1517 in Prague by Francis Skorina and the Compendium of the Old Testament, i.e. several books from the Bible, translated from Hebrew (except for the book of Psalms). The second part contains an anti-Jewish Explanatory Palea (a Christian interpretation of the Old Testament).

The manuscript was written down approximately in 1517–1530 by anonymous Orthodox scribes connecting translations from Hebrew with polemical texts aimed against Jews (that was a typical combination). In the margins, the portion of text copied every day used to be indicated: the copying was carried on daily, including Saturdays (which would not be possible for Jews) and Sundays.

Having studied translations from Hebrew in this manuscript A. Archipov concluded that books of the Bible written down here had been translated already in the second half of the 15th century; besides, he pointed out characteristic features of the translator, enabling us to assume that this person was most probably a foreign Jew, coming from abroad and belonging to the cultural tradition of the Provençal Jews, but staying in the Grand Duchy of Lithuania for a considerable time. The researcher refrained from guessing the particular individual, who is nevertheless possible to identify.

Probably that person was Zachariah ben Aaron ha-Kohen, a learned Jew, who had copied the Jewish manuscripts in Kiev, among them: 1) in 1454, an astronomic treatise by Sacrobosco *De Sphera Mundi* translated from Latin (it was this copy that subsequently got translated into Ruthenian); 2) and in 1468, an astronomic treatise by al-Farghani, translated in the 13th century from Latin into Hebrew and edited according to the Arabic original by Jacobus Anatolius, originally coming from Provence

but working in Naples. In two other manuscripts by Zachariah there are no indications of particular location, but their chronology (1455 and 1456) allows us assuming them also having been written down in Kiev. One of them is a fragment from a treatise *Servant of Moses* (a post-maimonidic apologetic commentary of the treatise *Guide to the Lost*, attributed to Calonymus, who was possibly working in Provence in the 13th century).

M. Taube, who identified several manuscripts by Zachariah, reasonably assumed the latter left Kiev in 1482, when the town was seized by Tatars, and after having visited Jerusalem, traveled to Damascus, where in 1485 he wrote down another manuscript surviving up till the present day.

Zachariah was long ago established to be most probably identical to the learned Jew Schariya, who was knowledgeable in astronomy and came in the autumn of 1471 from Kiev to Novgorod on trade business in the company of the Slutsk duke Michael Olelkovich. There he initiated the movement of the Judaizing Orthodox.

Zachariah ben Aaron ha-Kohen should be assumed to have translated the Biblical texts in the Suprasl manuscript, because: a) he lived in Kiev right in the second half of the 15th century; b) he wrote down and commented upon the Jewish manuscripts, which subsequently were translated into Ruthenian; c) he precisely corresponds to the image of translator reconstructed by A. Archipov (Zachariah's manuscript texts, including translations from Latin, were composed and functioned in Provence, therefore he could indeed have been a Jew learned in Romanic languages).

An implicit although quite clear proof of Zachariah being the translator of the Biblical texts comprising the Suprasl manuscript could be also provided. Duke Andrew Kurbski, who lived in the Grand Duchy of Lithuania in 1564–1583, accused Francis Skorina of having translated the Bible from the Jewish originals. A. Archipov explained this factually unsubstantiated accusation by Kurbski having seen the Suprasl manuscript, combining the Bible translations from Hebrew with an introduction for the book of Psalms by Skorina, in which the name of translator (= publisher) was mentioned. In that case, a new question presents itself: why the Skorina's introduction was attached to the translations from Hebrew in the Suprasl manuscript?

It could have probably happened because of the similarity between the name Skorina to the Jewish name Zacharia, as transcribed in Slavonic writings in various ways, e.g. *Scharina*, *Schorina*, *Skarina*. Therefore Kurbski was not the first to confuse two translators of the Old Testament books into Slavonic, i.e. the Ruthenian Skorina and the Jew Schariya.